

ВЛАСТЬ И ОБЩЕСТВО: СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИЕ НАСТРОЕНИЯ ДАЛЬНЕВОСТОЧНИКОВ В 50-Е ГОДЫ XX В.*

Ангелина Сергеевна ВАЩУК,
доктор исторических наук

Знания о власти в современной России требуют научного анализа всей эволюционной картины властных отношений на предшествующих этапах истории. Историческая наука обладает сегодня таким методологическим инструментарием, который позволяет осмыслить не только трудности и трагедии «бремени» властителей советского периода, но и реакцию подвластных (населения) на их политику в регионах, а также в конкретных ситуациях, понять динамику и финал партийно-государственного абсолютизма в СССР.

К середине 50-х годов отношение населения к власти не могло вылиться в какие-либо прямые, легитимные формы. Слишком велика была мощь партийного, государственного, репрессивного аппарата, идеологического и административного контроля.

И тем не менее в глубинных недрах духовности советского человека, в иерархии его ценностей происходили изменения по отношению к социально-политическим реалиям. Эти перемены, как правило, не носили жестко фиксированного характера, скорее всего, они отчетливо даже не осознавались. Это были специфические общие тенденции в массе поступков и оценок. В какой степени они отражались в социально-политическом поведении населения в отдаленных от центра регионах? Ответ на этот вопрос позволяет увидеть всю палитру настроений в обществе. Вторая половина 50-х годов прошлого века — одна из популярных тем в исторических исследованиях последних лет. Всесторонне изучаются решения XX съезда КПСС, реформы Хрущева, борьба за власть партийной номенклатуры и эволюция системы власти. Вместе с тем не менее интересным представляется изучение вопросов реакции широких народных масс на значительные перемены в советской жизни. Изучение этой проблемы начинается только в наши дни¹.

В начале XXI в., пожалуй, по-прежнему, актуальными являются вопросы: каковы были истоки внутреннего отношения к власти в СССР? На основе какой информации или мифов дальневосточник, проживавший на далекой периферии, определял свое отношение к тем или иным событиям, происходившим

* Работа подготовлена при поддержке гранта Президиума ДВО РАН.

во властных структурах? В какой степени нарастало политическое охлаждение среди населения и какую роль сыграла в этом процессе сама партийная номенклатура? Полагаем, что постановка таких научных задач поможет историку более глубоко и широко реконструировать исторический период второй половины 50-х годов XX в. и найти ответ, почему за какие-нибудь пять-шесть лет в 90-е годы от могущества партийной власти остались лишь «обломки»?

В мировой и отечественной литературе последних лет, в работах по социальной истории придается огромное значение антропологическому подходу. Анализ вышедших работ позволяет выдвигать очень важный тезис, суть которого в том, что историки при исследовании социально-политической повседневности научились у антропологов двум исходным позициям: ответственность даже в условиях тотального идеологического и административного контроля — это не просто пассивные «реципиенты» или потребители политической «культуры» руководства и всей атрибутики и символов власти, но также их «пользователи»². Люди «обживаются» в противоречиях или конфликтах повседневной общественной жизни, однако «...рано или поздно он (человек — **А.В.**) начинает более адекватно воспринимать и оценивать свое реальное положение»³.

Предложенные исходные теоретические позиции, на наш взгляд, при изучении советской социально-политической истории второй половины XX в. обладают поисковым преимуществом. Они выводят историков за рамки анализа уже «замусоленных» событий на политическом олимпе (приход к власти Н.С. Хрущева и Л.И. Брежнева) и позволяют проникнуть в новые «ниши» социальной истории, где можно проследить изменения внутреннего отношения к власти, нарастание понимания у советского человека разрыва между теорией коммунизма, развитого социализма и динамикой реальной общественной жизни.

Научного результата можно достигнуть, проанализировав поведение общественности во время проведения массовых легальных форм ее общения с партийным руководством. Речь идет о собраниях первичных партийных и комсомольских организаций тех лет, в частности, в форме вопросов руководству со стороны «низов». Другой формой, где также могли проявляться оценки реалей, были наказания избирателей и надписи на бюллетенях. Последние давали возможность выражать индивидуальное мнение, высказывать суждения, если они хоть в какой-то мере отличались от официальной точки зрения. При такой форме поведения снижался риск быть наказанным, попасть в поле зрения соответствующих органов. В то же время человек мог выразить свою позицию по какому-либо вопросу.

В 50-е годы прошлого столетия для партийно-государственного абсолютизма одним из важнейших компонентов по-прежнему было проведение в жизнь доктрины классового врага. Под ее влиянием воспиталось поколение, рожденное после революции, в нее верило большинство советских людей, рожденных в 20—30-е годы. И только большие трудности с продовольствием, условия выживания заставляли людей высказывать критику в адрес власти. Так, в 1947 г. особо тяжелая ситуация с выдачей карточек на хлеб и продовольствие домохозяйкам сложилась в Александровском районе на Сахалине. Это совпало с проведением политической акции — подготовкой выборов в местные советы. И, как сообщалось в спецдонесении, трудности с хлебом и продуктами питания явились причиной антисоветских высказываний, а также отказа идти на выборы. Одна из женщин заявила агитаторам: «Можете меня не записывать, все равно голосовать не пойду, потому что мне хлеба не дают и я против советской власти». Однако под влиянием уговоров матери («попадет от мужа, ведь он партийный») женщина согласилась, чтобы ее включили в списки⁴. На Сахалине были отдельные случаи отказа избирателей голосовать и в период

выборов в Верховный Совет СССР (12 марта 1950 г.)⁵. Власти перед выборами стремились обеспечить выплату задолженности по заработной плате, завезти продукты в отдаленные районы, но это им не всегда удавалось.

В годы активного послевоенного заселения Сахалина состав переселенцев отличался своей социальной пестротой, были здесь романтики-передовики, высококвалифицированные, идеологически преданные идеям социализма рабочие и маргиналы, а также люди, которые имели судимость, укрывались от наказания или алиментов. Они нередко выступали с критикой уравниловки при начислении заработной платы, а также «бюрократизма». Высказывания были подобно рода: «Стахановцы трудятся не покладая рук, выполняют производственный план, а зарплату им выдают такую же, как и тем, кто не работал, а промтовары и премиальные забирают себе служащие»⁶.

Но все-таки в первой половине 50-х годов в дальневосточной провинции преобладали настроения, свидетельствовавшие о полном доверии к внутренней политике, проводимой коммунистическими лидерами, и их социальной базе — местной номенклатуре. Как следует из секретных донесений, в период избирательных кампаний в верховные органы советской власти на бюллетенях люди оставляли надписи, содержание которых носило исключительно патриотический характер. Ключевой была такая запись: «Пусть крепнет, здравствует и процветает наша Родина и Великий Сталин»⁷ (безусловно, в различных вариантах). На отдельных участках подобным образом исписанных бюллетеней доходило до сотни. Лишь с некоторых участков агенты докладывали, что единицы граждан в период выборов в местные органы власти не опускали бюллетеней⁸.

До XX съезда практически не было открытой в какой-либо форме критики в адрес членов крайкомов и обкомов КПСС со стороны общественности. Можно говорить лишь об отдельных эпизодах. В частности, одним из них была история, связанная с «претензиями» к Приморскому крайкому партии со стороны творческой интеллигенции, которая высказалась против вмешательства крайкомовских работников в литературный процесс. Поводом для такой критики стали внутренние разногласия в Приморском отделении союза писателей СССР.

В начале февраля 1953 г. группа писателей: Г.Г. Халилецкий, В.Т. Кучерявенко (ответственный секретарь альманаха «Советское Приморье») и др. отправили телеграмму С. Я. Михалкову, в которой говорилось об их несогласии с представлением на Сталинскую премию крайкомом партии пьесы Е. Бондаревой «Сергей Лазо». Они писали, что пьеса после обсуждения писателями была отклонена. 12 февраля этого же года писатели высказали свои доводы заместителю заведующего отделом пропаганды и агитации крайкома КПСС. По словам информатора, Халилецкий и Кучерявенко заявили, что «крайком партии взялся не за свое дело и что он вообще смотрит на отделение писателей, как на ненужную организацию... Раз так, то его надо закрыть, а все вопросы, связанные с литературой, пусть решает крайком партии... Крайком партии принял все меры к тому, чтобы оградить Михалкова от писателей и не дать возможности встретиться ему с писателями».

По мнению Халилецкого, «...крайком партии должен был провести встречу не в здании крайкома, а в гортее или другом помещении, вмещающем 1 000—1 200 чел.» Это были одни из первых «претензий» краевому партаппарату со стороны местной интеллигенции, они отражали протест против «заорганизованности» в сфере литературы и вмешательства партийного органа крайкома в творческий процесс при определении претендентов на Сталинскую премию⁹.

Отдел пропаганды и агитации Приморского крайкома КПСС считал, что писательская организация противопоставила себя руководящему органу, и потому необходимо «серьезно поправить поведение» писателей. Позднее, когда ЦК КПСС

снимал Д.И. Мельника с поста секретаря Приморского крайкома партии, перечислялись многие его «ошибки», в том числе и связанные с партийным руководством кадрами. Вероятно, ЦК имел в виду и рассмотренный выше инцидент.

В целом умонастроения населения в дальневосточном регионе свидетельствовали, что широкие массы общества очень далеки от реалий, чтобы обсуждать действия «правителей». Однако во второй половине 50-х годов вера в «комплекс врага» и непогрешимость партийного руководства начинают постепенно разрушаться под влиянием крайне необычных для общественности и широких масс населения информации и новых мифов. Особенность этого явления состояла в том, что разрушение веры в идеальный образ коммунистических моделей как системного элемента советского общественно-политического порядка парадоксальным образом связано с поведением руководства страны и самого высокого ранга партноменклатуры.

Сравнение событий и общественных настроений до XX съезда, в период его прохождения и после него, говорит о том, что критика системы возникла в ее недрах. Кампания по разоблачению культа личности Сталина (хроника этих событий уже достаточно обстоятельно изложена в трудах отечественных историков конца 80—90-х годов) стала мощным катализатором распространения различного рода слухов в регионе и появления новых оценок действий высшего руководства.

Партийные аппараты на местах, получив указание, организовали собрания сначала актива, затем общественности, где выступали делегаты XX съезда и пересказывали доклад Н.С. Хрущева «О культе личности и его последствиях». Такие акции проводились и среди молодежи, но школьные комсомольские организации сюда не входили. Из докладных записок секретарей в центральные органы партии стало очевидно, что на Дальнем Востоке «взрывоопасная» информация хотя и с опозданием, но доходила до сельской глубинки, также до населения островной части СССР — Сахалина. Стенограммы первых собраний, обобщенные факты по атмосфере, царившей на собраниях, характер и количество задаваемых вопросов дают основания для выводов: «низам» было достаточно сложно понять свое прошлое и настоящее в свете внезапно обрушившейся на них информации.

Анализ письменных и устных вопросов на собраниях свидетельствует о том, что, несмотря на трудности понимания происходивших событий в Москве, люди пытались дать оценку действиям властей. Проанализированные нами более 150 вопросов (по Приморскому краю, Хабаровскому и Амурской области) условно можно разделить на три группы. Первая — наиболее многочисленная — содержала ключевые слова: «Почему возник культ личности Сталина в СССР»? Вторая — «Почему он не был пресечен» или «не был пресечен до смерти Сталина»?¹⁰ Таким образом, партийные «низы» и общественность хотели разобраться не только в личности самого Сталина, но и в поведении всего руководства. Третья группа вопросов касалась проблемы всей сталинской атрибутики и его наследия: «Что делать со сталинскими трудами, станут в дальнейшем присуждать сталинскую премию, будет ли тело Сталина вынесено из Мавзолея»? Распределение вопросов в количественном отношении было примерно равным.

Контент-анализ вопросов показывает, что «комплекс врага», созданный системой партийно-государственного абсолютизма, преимущественно составлял мировоззренческую основу понимания событий, которые происходили внутри высшего руководства страны. С этой точки зрения классическим был вопрос, который имел несколько текстовых вариантов: «Почему руководители ЦК, зная о произволе Сталина, о том, что он уничтожает видных партийных деятелей, не уничтожили его?»; «Кто из группы «врагов народа»: Блюхер, Гамарник, Тухачевский, Постышев, Коссиор были действительно врагами народа, а кто пал «жертвой мероприятий 1937—1938 гг.»? Делегаты XX съезда

КПСС, как сами смогли понять происходившие события, так и «низам» пытались объяснить политику партии.

Н.С. Хрущев, выступив на съезде с докладом и открыв «тайну» политических репрессий, не предполагал, что процесс «десталинизации» выйдет за регулируемые ЦК КПСС рамки. Так, среди населения в Приморье в 1956 г. началось распространение различных слухов, к примеру, «Орджоникидзе застрелили в кабинете Сталина», «все, что связано с именем Сталина, необходимо убрать»¹¹.

Анализ вопросов дает основание для следующего вывода. Несмотря на систему секретности и страх получить наказание за передачу неофициальной информации, в дальневосточном регионе многие сведения, связанные с репрессиями, убийством Кирова, самоубийством Орджоникидзе и т.д., были известны определенным лицам еще до озвучивания текста доклада Н.С. Хрущева. Содержание вопросов по охвату событий выходило за пределы дозволенных тем для обсуждения. Например, «...Почему при жизни Сталина в Грузии не было колхозов?», «Как расценивать выселение крымских татар и немцев в Поволжье?»¹² и т.д.

Объем сведений, которыми располагали рядовые коммунисты, оказался для региональной номенклатуры открытием. Общество, получив впервые возможность открыто обсуждать личность «вождя», в меньшей степени интересовалось личными качествами Сталина, людей больше мучил вопрос: «Не понятно, почему за такой длительный период члены ЦК не могли указать Сталину на его ошибки, тем более, что и бывшие члены Политбюро и настоящие признают ошибки Сталина только сегодня»¹³. Регулируемая сверху «десталинизация» оказалась опасной для партийно-государственного аппарата еще и потому, что среди населения на бытовом уровне обострился интерес к личностям действующих политиков и к вопросу, что же делается в «коридорах власти» и «какую роль играли в 30—40-е годы Н.С. Хрущев, К.Е. Ворошилов, В.М. Молотов, А.И. Микоян, почему взяты лишь отдельные факты о личности Сталина?». Внимание к проблемам, которые касались действующих политиков, можно расценивать, как первые робкие попытки осознать существовавший политический режим.

Известие о «культе личности» имело значительную амплитуду реакции современников-дальневосточников: от личной трагедии до непредвиденных поступков, таких как срывание портретов Сталина (это произошло в управлении милиции, в мореходном училище во Владивостоке)¹⁴. На собрании коллектива завода № 602 (г. Владивосток) юрист завода Сикорский, член ВКП(б) заявил о провале политики партии в колхозном строительстве и противопоставлял фермерское хозяйство США советским колхозам. Когда представитель райкома потребовал от собрания осудить позицию Сикорского, то члены партбюро Овсянкин и Богачев не стали критиковать выступавшего, только два человека выступили с осуждением его позиции, а 52 поддержали критику в адрес ЦК партии.

Разоблачение культа личности Сталина стало катализатором разрушения сакральной неприкосновенности действовавших в те годы политических лидеров в СССР. Это касалось не только руководителей высшего ранга, но и секретарей крайкомов и обкомов. Так, среди народа распространялась «характеристика» А. Микояна: «...на XIX съезде Микоян выступал с возвеличиванием Сталина, но с осуществлением культа личности изменил свою позицию. Разве он не знал этих фактов?»¹⁵.

Как известно, в постановлении ЦК КПСС «О преодолении культа личности и его последствия» не говорилось о личном участии Сталина в организа-

* Стиль и орфография источника сохранены.

ции репрессий, остается предполагать, что основным источником информации были «пересказы» делегатами доклада Н.С. Хрущева.

Попытка одномоментным решением зачеркнуть личность Сталина «подтолкнула» людей к выяснению роли личности бывшего вождя в «деле построения социализма», в организации победы над фашистской Германией. Это свидетельствовало о том, что определенная часть населения в периферийном регионе не понимала обвинений в адрес Сталина, а тех, кто потерял своих близких в период репрессий, волновало другое — почему он не остановил врага народа Берия?

В апреле 1956 г. идеологический аппарат вынужден был признать, что осуждение культа личности Сталина выходит за рамки линии политики партии. Газета «Правда» писала: «...отдельные гнилые элементы под видом осуждения культа личности пытаются поставить под сомнение правильность политики партии»¹⁶. Этот тезис комментировался во всех передовых статьях местных газет. Продолжавшаяся внутрипартийная борьба за лидерство только усилила интерес общества к проблеме личных качеств действовавшего партийного руководства.

Следует признать, что политической кампании по разоблачению культа личности Сталина предшествовала борьба за власть между двумя группировками, что не могло не вызвать многоликую палитру оценок. Одна была представлена Маленковым и Берией, а другая — Хрущевым, которого поддержало большинство политической верхушки. После устранения Берии началась борьба между государственными и партийными аппаратами. Она особенно обострилась с 1 января 1954 г., когда Н.С. Хрущев провозгласил курс на борьбу со всевозможными проявлениями бюрократизма в работе советских органов. Данный политический шаг, как известно, был оформлен в решении руководства партии о серьезных недостатках в работе госаппарата (январь 1954 г.). В дальнейшем противостояние властей усилилось, о чем граждане узнали из партийных решений о Маленкове¹⁷.

Самые резкие обвинения были предъявлены Маленкову в связи с его многолетними отношениями с Берией. В феврале 1955 г. Маленков был смещен с поста председателя Совета Министров СССР. В марте 1955 г. партвласти рассмотрели вопрос о руководстве Дальним Востоком. В Приморье прибыл партийный функционер, он подверг острой критике Д.И. Мельника, секретаря Приморского крайкома КПСС. Причем, как было сказано в информации ЦК КПСС: «За нарушение принципов коллегиальности в руководстве и партийных принципов в наборе и воспитании кадров»*. Резкой критике подверглись председатель крайисполкома Умняшкин, его заместитель Рябов, Повха, редактор краевой газеты «Красное знамя» Федюшов, председатель профсоюза Лисенков и др. (в источнике отсутствуют инициалы). Такая жесткая позиция центра по отношению к партийным и советским руководящим кадрам Приморского края на расширенном пленуме косвенно подготовила общественность к обсуждению проблемы власти, а точнее — пересмотру устоявшихся образов тех, кто входил в партийную элиту.

Не успело население СССР, в том числе дальневосточной провинции, отойти от обсуждения вопросов культа личности Сталина, как вновь нагрянула новая политическая кампания по обсуждению материалов июньского пленума (1957 г.), которая еще раз привлекла внимание народа к образу политического лидера в СССР. Поводом к созыву пленума послужило заседание президиума центрального комитета 18—21 июня 1957 г., где была сделана попытка

* По воспоминаниям Д.Н. Крюкова, Д.И. Мельник был снят с работы по прямому указанию Н.С. Хрущева. Поводом смещения послужила независимая позиция Д.И. Мельника и его критика в адрес Первого секретаря ЦК КПСС. (Н.И. Колесников. Они правили областью. Ю.-Сахалинск, 1995. С. 7—35).

добиться смещения Хрущева. Но стенограмма пленума появилась в печати только спустя 40 лет¹⁸. Она дает полное представление обо всех перипетиях внутрипартийной борьбы.

Противники Хрущева выступали за укрепление коллективности руководства, предлагали улучшить организацию работы президиума, ликвидировать пост первого секретаря ЦК, создать постоянные комиссии и установить порядок очередности председательствования на заседаниях.

Важность поднятых проблем и необходимость их детального обсуждения для дальнейшего политического курса и социально-экономического развития страны была очевидной. Но участники пленума свели обсуждение к проблеме внутрипартийной группы и в целом к аппаратной стороне дела. Л.И. Брежнев в своем выступлении подчеркнул: «Перед нами все глубже и полнее раскрывается картина чудовищного заговора против партии»¹⁹. Обсуждение проблем, которые пыталась поднять «антипартийная» группа, большинство участников пленума свели к одобрению политики Н.С. Хрущева и поддержке его как личности.

Выступление Г.К. Жукова направило пленум в русло ответственности членов группы за репрессии. Впервые были приведены документы о массовых репрессиях и причастности к ним Молотова, Кагановича и Маленкова. Но, поскольку к этим черным страницам истории страны были причастны и другие руководители, главным обвинением стало образование «антипартийной» группы.

В исторической литературе отмечается, что после XX съезда в общественном мнении проявилось критическое отношение к коммунистической партии и ее деятельности. Говорить о формировании общественного мнения в СССР в классическом понимании западной социологии на тот период преждевременно, но справедливо суждение об отдельных его элементах. Высказывания и оценки людей по поводу антипартийной деятельности вышеуказанной группы отражали крайне противоречивое их отношение к властвующим на протяжении многих лет фигурам.

В специальных сообщениях первым лицам Хабаровского крайкома КПСС сотрудники КГБ доносили информацию о фактах отрицательной оценки некоторой частью населения решений июньского (1957) пленума. Между собой люди говорили о том, что думали. Одни не верили в перерождение вождей, о которых только вчера говорили, как о самых разумных руководителях («Не верим, чтобы Молотов, старый большевик, первый ответственный редактор «Правды» и стал на неправильный путь. Молотов, Каганович, Маленков прошли с Лениным весь путь, были на каторге, в подполье. Все время вращались с народом, и народ к ним прислушивался»). Другие пытались понять причины разногласий в политическом руководстве страны, высказывая даже недоверие Н.С. Хрущеву («...захватил всю власть и повысил налоги, а Маленкова выгнал за то, что тот снижал налоги. Правительство действует неправильно. Маленков и другие борются за то, чтобы не было сокращения рабочих, потому что уже началась безработица»). Многие подмечали причины происходящих событий, считали, что это — борьба за власть внутри руководства («...Хрущеву нужен портфель, поэтому он и душит старых большевиков. Хрущев оставит в ЦК тех, кто ему не возражает. Он всех обведет и будет командовать как Сталин»)²⁰.

Любые высказывания, альтернативные официально утвержденным коммунистической партноменклатурой взглядам, в 1950-е годы по-прежнему трактовались как опасное государственное преступление. Но все-таки не стало уголовного преследования тех, кто выходил за рамки дозволенного, правда, если содержание этих высказываний сопровождалось клятвами верности социализму. Допустимый порог высказываний стал первым шагом в появлении оценок действующих партийных руководителей, т.е. носителей властных отношений.

Резкая оценка «антипартийной группы» звучала в основном на партийных активах, отражая советские политические традиции. Молотов, Каганович,

Маленков и примкнувший к ним Шепилов были поставлены в один ряд с троцкистами и оппортунистами.

Отношение дальневосточников к личности Н.С. Хрущева было крайне противоречиво: с одной стороны, в регионе впервые за многие годы советской власти началось жилищное строительство, старожильческое население уравнилось в надбавках с вновь прибывавшим, развивалась служба быта в сельской местности и т.д.²¹ Все эти социально-бытовые мероприятия находили поддержку у дальневосточного населения.

С другой стороны, результаты начатых Н.С. Хрущевым реформ в сельском хозяйстве заставляли людей высказывать суждения иного характера. «...Под его руководством новый хлеб собирают, а старый гноят. По радио передают, что план по лову рыбы выполнен на 150%, а в магазинах за килограмм гнилой селедки берут по 15 руб.»²² Дальневосточники проявляли недовольство и проведением международного фестиваля, на организацию которого были истрачены огромные народные деньги, на оказание помощи социалистическим странам. В одном из донесений в партийные органы подчеркивалось высказывание инженера-экономиста о роли коммунистической партии в руководстве страной: «Коммунистическая партия занимается вопросами экономики страны, тогда как она должна заниматься идеологической и культурной работой, поэтому в вопросах экономики много допускается ошибок, в частности в городе отсутствует мясо»*.

Критикуя деятельность Н.С. Хрущева и ЦК КПСС, люди часто предлагали радикальные решения для изменения экономического курса, например, ликвидировать колхозы: «Зачем поднимать целину и тратить на это огромные средства? Я бы свой хлеб мог иметь». Но, несмотря на это, состояние общественного сознания свидетельствовало о его тоталитарности: «Хрущева еще в 1933 году надо было расстрелять. Вот если бы наши так же устроили бунт, как в Венгрии, может и у нас было бы все»²³. Непогрешимый образ номенклатуры постепенно разрушался под влиянием политической борьбы внутри центральной номенклатуры, но в условиях либерализации политического режима.

Высказывали свое мнение и многие заключенные исправительно-трудовых лагерей²⁴. На общем фоне осуждения действий Молотова, Кагановича, Маленкова были высказывания, которые свидетельствовали о том, что люди верили соратникам Ленина и поддерживали их действия, наивно полагая, что они борются исключительно за народное благо: «Я не верю ЦК, что Молотов, Каганович, Маленков враги народа, а будущее покажет, но поздно, старые большевики всегда были с Лениным. Молотов старый большевик, ученик Ленина и вдруг стал тормозом идей Ленина. Хрущев просто выскочка. Хочет быть вождем и убивает умных и любимых народом членов ЦК Молотова и Кагановича до конца преданных Ленину». Осужденный на шесть лет заключенный недоумевает, как, очевидно, и многие в стране: «Человек прослужил в правительстве 40 лет, а теперь оказался врагом народа. О Молотове нам всегда говорили, как о самом преданном коммунисте, а теперь кричат, что он враг. Кому теперь верить?» Противоположные высказывания («Хрущев очищается от старых коммунистов. Народ России ненавидит правительство»²⁵) были единичными.

Несмотря на многолетнее идеологическое «одурманивание» населения, люди достаточно критически стали относиться к официальной пропаганде. Как показывают источники, секретный доклад Н.С. Хрущева на XX съезде не породил взрывоопасной обстановки в дальневосточном регионе. Если в центре рассмотренные события середины 50-х годов положили начало диссидентству, то на периферии получила распространение информация о диссидентских идеях, завозилась литература из столичных городов, но в более поздний период,

* Стиль и орфография источника сохранены.

в конце 60-х — начале 70-х годов. Высказывания в защиту старых соратников Сталина, с одной стороны, демонстрировали политический консерватизм населения, нежелание отказываться от прошлого, а с другой, — являлись показателем ослабления страха перед карающей силой партийного государства. Критика Хрущева была следствием не только отрицательного восприятия разоблачения Сталина со стороны постреволюционного поколения, но и результатом ухудшения материального положения страны и нехватки продуктов. Н.С. Хрущев получил противоречивые результаты и от внешнеполитических акций. В такой атмосфере падение авторитета этого руководителя в управленческой среде и в народных массах можно назвать закономерным явлением.

Во второй половине 50-х годов партийно-государственная система «сверху» дала толчок росткам критического отношения к действовавшей в те годы партноменклатурной элите. Эти ростки, в том числе и в дальневосточном регионе, были первыми признаками того, что общество находилось на пороге формирования общественного мнения.

¹ Лукин Ю.Ф. Из истории сопротивления тоталитаризму в СССР (20—80-е гг.). М., 1992; См.: Зубкова Е. Реформы Хрущева: культура политического действия // Свободная мысль. 1993. № 9. С. 97—107; Наумов В.П. Н.С. Хрущев и реабилитация жертв массовых политических репрессий // Вопросы истории. 1997. № 4. С. 34; Козлов В.А. Массовые беспорядки в СССР при Хрущеве и Брежнев (1953 — начало 1980-х гг.). Новосибирск, 1999; Он же. Крамола: инакомыслие в СССР при Хрущеве и Брежнев (1952—1982 гг.) // Отечественная история. № 4. С. 93—111; Алексеева Л.М. История инакомыслия в СССР: новейший период. М., 2001; Пыжиков А.В. Хрущевская «оттепель». М., 2002; Аксиutin Ю.В. Хрущевская «оттепель» и общественные настроения в СССР в 1953—1964 гг. М., 2004; Булдыгерова Л.Н. Политические процессы в СССР в конце 50-х годов (реакция дальневосточников на решение июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС). // Гражданское общество: опыт Запада и Востока: материалы междунар. науч. семинара. 2003 г. Владивосток, 2004. С. 227—234 и др.

² Формизано Р.П. Понятие политической культуры // Pro et contra. 2002. Т. 7. № 3. С. 130; Альгин А.П. Риск и его роль в общественной жизни. М., 1989; Шаронов В.В. Основы социальной антропологии. СПб., 1997. С. 83—84 и др.

³ Барулин В.С. Российский человек в XX в.: Потери и обретение себя. М., 2000. С. 357.

⁴ СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 329. Л. 3.

⁵ Там же. Д. 629. Л. 38, 48.

⁶ Там же. Д. 332. Л. 178.

⁷ ГАПК. П-68. Оп. 57. Д. 57. Л. 11, 12, 39, 40—41, 53, 74, 80, 106 и др.; СЦДНИ. Ф. П-4. Оп. 1. Д. 629. Л. 1—38, 48.

⁸ Там же. Л. 11.

⁹ ГАПК. Ф. П-68. Оп. 57. Д. 178. Л. 7—10.

¹⁰ ГААО. Ф. 1. Оп. 15. Д. 906. Л. 1—2; ГАПК. П-68. Оп. 35. Д. 271. Л. 76, 83—84, 93, 94—99, 101 и др.

¹¹ Там же.

¹² ГАПК. П-68. Оп. 35. Д. 271. Л. 101.

¹³ Там же. Л. 83.

¹⁴ Там же. Д. 271. Л. 101.

¹⁵ Там же.

¹⁶ Правда. 1956. 5 апр.

¹⁷ Принято единогласно на заседании пленума ЦК КПСС 31 января 1955 года // Вопросы истории. 1999. № 1. С. 31—32.

¹⁸ Молотов, Маленков, Каганович. 1957. Стенограмма июньского пленума ЦК КПСС и другие документы. М., 1998.

¹⁹ Там же. С. 239.

²⁰ ГАХК. Ф. 35. Оп. 66. Д. 5. С. 193—196.

²¹ См. подробно: Вашук А.С. Социальная политика в СССР и ее реализация на Дальнем Востоке (середина 40—80-х гг. XX в.). Владивосток, 1998. С. 12—135.

²² Булдыгерова Л.Н. Политические процессы в СССР в конце 50-х годов (реакция дальневосточников на решение июньского 1957 г. пленума ЦК КПСС). С. 231.

²³ Там же.

²⁴ ГАХК. Ф. П-35. Оп. 66. Д. 5. Л. 145—147.

²⁵ Там же.

SUMMARY. “The Power and Society” is the article written by Doctor of Historical Sciences Angelina Vaschuk. The article deals with socio-political mood of the residents of the Far East in the 50s of the 20th century when arose the shoots of critical attitude to the party nomenclature elite including the Far Eastern region.